

Жанна Пестова

*Осенний
лист упал
на землю*

Жанна Пестова

Осенний лист упал на землю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18011920

ISBN 9785447464745

Аннотация

Наша жизнь состоит из мгновений, совпадений, встреч случайных и неслучившихся. Три рассказа и повесть – четыре истории о поисках любви, поисках себя в любви и в жизни, о важности случая и умения его разглядеть и не упустить...

Содержание

Осенний	5
Маникюр – «лицо» женщины	17
Встречное предложение	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Осенний лист
упал на землю
Жанна Пестова**

© Жанна Пестова, 2016

© Жанна Пестова, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осенний

Снова осень. Золотая осень, воспетая художниками и поэтами. Самое мое нелюбимое время года. Не понимаю, как можно любоваться увяданием и смертью. В какие бы наряды не рядилось увядание, каким бы золотом не платило за восторги, итог у него один – смерть. На меня осенью нападает тоска, жить становится неуютно. Не люблю осень. Правда, года три назад, я с ней примирилась и даже, можно сказать, подружилась. Произошло это, как и все в моей жизни, случайно и неожиданно. Однокурсница уговорила меня съездить на выходные в деревню за медом к ее родственникам пасечникам. К деревенской жизни я равнодушна, а вот мед люблю, особенно в сотах. Из-за него и поехала. И вот уже в четвертый раз специально беру часть отпуска в сентябре и приезжаю на недельку, дней на десять.

В прошлом году, уезжая, думала, что больше приеду никогда. Глупая, разве в жизни бывает что-то «никогда» и «навсегда». И вот, я снова еду по сумрачному хвойному туннелю, к свету... Лучи закатного солнца, отражаясь от пожелтевшей листвы, кажется, и сам воздух делают золотисто-соломенным... Через несколько минут автобус выедет из туннеля, повернет налево, и откроются взорам поля, луга, доли, пруд, уютно спрятавшийся в ложбинке между долами... Хвойно-сумрачный туннель сменится светлым липо-

вым. Посередине аллеи – резная скамейка.

Деревня эта поломала мои стереотипы о деревне вообще и влюбила меня в себя, в свои окрестности. Здесь мне снова захотелось рисовать. Однажды поняв, что большой художницы из меня не получится, в одночасье забросила все – и художку, и краски... мольберт задвинула в самый дальний угол кладовки. Не хотелось быть одной из... из очень многих, чьи работы разглядывают снисходительно, покупают, торгуясь как за редиску на рынке... Мне и сейчас этого не хочется, только сейчас я уже не думаю об этом. Пишу картины и не думаю, что с ними будет дальше, купит ли их кто-то, попадут ли они на выставку... мне нравится сам процесс...

Причем – вот ведь странность – пишу я только в деревне.

В городе желание пропадает, там привычная рациональная жизнь, никаких полетов фантазий и творческих мечтаний.

Припозднилась я в этот раз. Сумерки сгущаются, разливая синюю краску, добавляя загадочности. Аллея не светится золотом, она словно отяжелела, налилась бронзой... Скамейка. На ней одинокая фигура старика. Есть или нет? Не разобрать. Наверняка есть. Он всегда сидит здесь в это время. Не около дома, как другие, а в липовой аллее, в стороне ото всех. Колоритная фигура. В прошлом году я даже пыталась написать его портрет... Удивительно, почему в первый свой приезд я его не заметила. Тогда, с подругой, было бы проще подойти познакомиться, разговориться. Подруга у меня – гений коммуникабельности, не то, что я.

Я издали любовалась им, мечтая написать портрет, пытаюсь понять, представить, кто же он. Можно было, конечно, спросить, пусть даже не его самого, а квартирную хозяйку тетю Дашу, но тогда пропала бы загадка, а мне интересно самой придумать. Пусть даже потом мои фантазии окажутся далекими, очень далекими от действительности. Ну и что? Я же придумываю, создаю образ, а не ориентировку для розыска. Мне нравится придумывать людям необычные, полные драматизма, приключений, страстей биографии, примеряя их словно маски. Вот только образ старика никак не поддавался, не могла придумать ему биографию. Не совпадали мои заготовки с его видом, казались фальшивыми, надуманными. Но ведь была же у него, какая-то профессия, и жизнь была, не сразу же он стал стариком, и чем-то же еще он занимался, кроме сидения на скамейке.

Как-то возвращаясь с очередной прогулки из леса, пытаюсь справиться с этюдником, кепкой, полной грибов, и закрытой дверью в подъезд, я буквально столкнулась с загадочным стариком. Он выходил из дома, где я жила, и куда пыталась попасть. Провожал его дядя Коля, тот самый пасечник.

– Голуба моя, – рассмеялся дядя Коля, увидев мои почти акробатические трюки, – кто ж за грибами с этюдником ходит? Ты бы еще пианино взяла!

– Да я и не за грибами ходила... грибы так случайно встретила... – промямлила я, стесняясь перед стариком своей неуклюжести.

– Ага, выскочили это они на тропинку и давай перед тобой красоваться – нарисуй нас, возьми нас с собой, а то нам здесь плохо, страшно в лесу, – продолжал развлекаться дядя Коля.

А старик как-то мягко, заботливо принял у меня кепку с грибами, поправил этюдник, сваливающийся с плеча, и легонько подтолкнул меня в открытую дверь.

– Иди, красавица, устала небось.

Мы вместе поднялись на второй этаж, дядя Коля уже на лестнице обогнал меня, открыл дверь в квартиру. Жила я у него на правах подруги племянницы и компаньонки его жены, тети Даши.

– А что Осенний то в дом не зашел? – Спросила тётя Даша. – Он вроде не суеверный, чтоб не возвращаться.

Я оглянулась – старика не было, ушёл.

– Да он торопился, дело ж у него. – Весёлость дяди Коли улетучилась, словно и не было. – Да и я пойду. Поедем пока не стемнело.

В тот вечер дядя Коля против обыкновения не пришел к ужину, но обычно строгая в таких делах тётя Даша только отметила это, добавив после получасового ожидания, что ужинать будем без него. Мне было любопытно, что за дело такое у них могло быть с этим таинственным стариком, куда они уехали на ночь глядя. Дядя Коля не любил ездить после полудня, все поездки – только с утра. Но спросить я не решалась. Тётя Даша не одобряла праздного любопытства и сплетен. А в тот вечер она стала какой-то печально-задумчивой,

словно переживала, передумывала что-то важное. Никогда прежде е видела ее такой.

– Тёть Даш, а как зовут этого Осеннего? Интересный такой старик, я его еще на скамейке в аллее заприметила. – Не выдержала я.

Она посмотрела на меня непонимающе, потом рассмеялась, снова став привычной тётей Дашей.

– Да так его и зовут – Осенний. А ты думала это фамилия? Нет. Это теперь уж вроде как имя. Вообще-то его Арсением зовут. Он к нам лет, почитай, двадцать как перебрался... Фельдшер он. Ребятишки наши сразу его полюбили. Чем он их приворожил? Раньше ко врачу со слезами ходили, как увидят – прячутся... А тут, чуть завидят – кричат: дядя Асений! Дядя Асений! Так и повелось – Осенний да Осенний, по имени-отчеству уж и не зовёт никто, разве когда официально. Да он и не возражает.

– А отчество его? – Немного осмелела я.

– Иванович, – и после небольшой паузы с особым уважением и теплотой в голосе добавила – Арсений Иванович Шустов.

– А откуда он приехал? Семья у него есть? – решила продолжить расспросы.

– Тебе зачем? – Тётя Даша окинула меня таким взглядом, что я невольно вжалась в кресло. Взгляд ее стал холодным, голос тоже.

– Так... портрет его писать хочу...

– Вот у него и спроси. И про портрет, кстати, тоже.

И всё, сказала, как отрезала, и за весь вечер ни слова, только да-нет по необходимости. А я никак не могла понять, что же такого странного было в моём вопросе, почему тётю Дашу он так насторожил. Обычный вопрос. Мне же, строго говоря, и не важно – есть у него семья или нет. Просто так спросила. Из того самого праздного любопытства, которое тётя Даша не любила. Но не до такой же степени! Казалось бы – что мне до него? Какая мне разница, кто он, что он. Ну, захотелось мне его портрет написать. Ну и что? Даже если не напишу, большой беды не будет. Так говорила я себе, зная, что все равно буду думать о нём, что уже не могу не думать.

Дядя Коля вернулся только утром. Уставший, но какой-то умиротворенный, пропахший медом и еще чем-то таким знакомым, приятным. Неужели ночью на пасеку ездил? В тот день в обычный час на заветной скамеечке Осеннего не было. И на следующий. Появился он только через три дня.

Я сидела на его месте, наблюдая, как ветер играет с опадающими листьями – то кружит их в неведомом танце, то подбрасывает кверху, то швыряет на землю... Мне было хорошо. Думать не хотелось. Хотелось сидеть и сидеть вот так под лучами по-осеннему теплого солнца, прищурив глаза, слушать, как шуршат листья. Где-то там вдалеке, в другой, кажущейся сейчас совсем чужой жизни – шумят машины, суетятся люди, гремит музыка... множество разных искусствен-

ных звуков, запахов, слов, эмоций. А здесь только тихий, едва уловимый шелест и поскрипывание веток.

– Тоже любишь на листопад смотреть? – на миг показалось, что со мной разговаривает дерево, стоящее за спиной.

Оглянулась – Осенний. И лицо его близко-близко, в теплых морщинках, а глаза – зеленые, молодые.

– Да... Здравствуйте. Вас что-то не видно было в последнее время. Куда-то уезжали?

– Я тоже люблю вот так посидеть, послушать. – Старик сел рядом, оставив меня без ответа.

– Как шуршит опавающая листва... – продолжила я его фразу строчкой из стиха любимой поэтессы.

Осенний не принял мой восторженно-напыщенный тон. Осенний... у него и голос был осенний, словно сухая трава, с остатками, следами былых чувств? эмоций?

– Да, нет... Просто посидеть, послушать, о чем листья рассказывают. Это ведь для нас всего лишь лето прошло, будет следующее. А для них – вся жизнь уже прошла. И в этой своей жизни они много чего видели, в том числе и про нас... и много чего интересного могут рассказать... Только у людей не хватает времени выслушивать чужие истории – они всё свою торопятся делать.

– И что за истории они вам рассказывают? – Я с трудом сдерживала улыбку и в то же время злилась на себя, в словах старика была его боль и его правда.

Осенний уловил мою иронию, свет в его глазах потух, они

приобрели оттенок пожелтой травы. Странный старик. Мне он всё больше становился любопытен.

Посидели молча. Разговор не завязывался. Я не могла решиться заговорить о портрете, казалось – неловко, сначала обидела, потом – портрет... Но и уходить не хотелось.

Листопад уже не радовал и не казался таким уж золотым. Волшебство кончилось. Просто листья, желтые листья опадают и летят, подхваченные ветром, под ноги прохожим, под колеса машинам, становясь мусором. Естественный ход вещей.

– Не всегда, чтобы слушать, надо понимать язык... бывает достаточно желания и внимания... и терпения... остановиться и послушать... просто послушать... свое сердце или опадающие листья... какая разница...

Мне стало неудобно. Вроде бы не было в его словах ничего необычного, скорее – банальные сентенции. Но произносил он их так, словно был первым, кто до этого додумался. И стало безумно жаль его, человека, которому при обилии людей рядом не с кем поговорить по душам, кроме как с листьями.

– Я бы хотела написать ваш портрет.

– Зачем?

– Что зачем? – Оторопела я.

– Зачем ты хочешь написать мой портрет?

Я не знала, что ответить. Я не знала – зачем. Я просто хотела.

– Просто хочу. – Честно ответила я, в недоумении глядя

на него. – А зачем вообще портреты пишут, картины?

– Я не знаю. Потому и спросил. Ты же сказала – хочу. Должен же я знать, для чего своё время буду тратить, тебе позирюя.

И почему я решила, что он какой-то особенный? Обычный старик, самодур к тому же. Времени ему, видите ли жалко! Всё равно ведь сидит! Стало как-то скучно и тоскливо. Захотелось домой, в город. Я резко встала и пошла. Он меня не удерживал.

Тётю Дашу удивил и обидел мой скоропалительный отъезд. Мне было всё равно. Думала, что больше не приеду, никогда...

Но время шло, хороня пустые обиды... И старик этот, Осенний, всё чаще приходил на ум... Я все больше убеждалась в его правоте. Все на свете происходит зачем-то и почему-то. Не бывает ничего просто так. Почему я хочу написать его портрет? На этот вопрос я так и не нашла разумного ответа. Зато полюбила разглядывать лица пожилых людей... и рисовать их, так наброски... лица, только лица... Старички перестали меня раздражать, даже их занудная непонятливость теперь вызывает только сочувствие...

Уже в марте я точно знала, что снова поеду в деревню. И обязательно напишу портрет Осеннего, может, тогда и пойму – зачем.

Тетя Даша, обрадовалась моему приезду, захлопотала у стола, не позволяя помочь. Она как-то заметно постарела

за этот год, появились горькие морщинки в уголках губ. Дяди Коли дома не было.

– Николай теперь все чаще на пасеке пропадает, – тетя Даша предупредила мой вопрос, и тут же, почти торопливо начала рассказывать деревенские новости – кто родился, кто женился.

Я не решилась перебивать ее, поняла – видимо что-то важное произошло в их семье, раз они так изменились... что-то такое, о чем тетя Даша говорить не хочет. Мало ли – у них своя жизнь, своя семья. Чтобы сменить тему разговора, поинтересовалась с деланно-безразличным видом:

– А Осенний как поживает?

Тетя Даша глянула на меня почти испуганно:

– Так он же умер... Не знала?

– Умер? А кто же тогда на скамейке?... Когда? Как? Почему?

– Дак, зимой еще... Как из монастыря вернулся – занедужил... все на усталость жаловался... посмеивались тут многие: с чего, мол, устал-то – работа непыльная... не мешки таскать... А про то, что ни днём, ни ночью покоя не знал, потом уж вспомнили только...

– Из какого монастыря? – Прервала я её причитания.

– Так из Рождественского... Он туда каждую зиму ходил... Годину по жене справлял. Она у него в Спитаке погибла, во время землетрясения. Ты, поди, и не знаешь про такое... только родилась тогда. Он ее там похоронил... А жить

потом уж, когда страна разваливаться начала, сюда перебрался. А могила, её ж в чемодан не положишь, она там и осталась... в чужом государстве. Вот он по монастырям и ходил на годину да на день рождения. Осенью, в сентябре, – в Троицкий, зимой в Рождественский... Поживет там дня три, помолится, монахам поможет, чем может... Любил он жену-то очень... Всякое у нас тут болтали про него... язык-то без костей... а он жених завидный... не пил, не курил... работающий да домовитый, уважительный... Сколько баб к нему подкатывало... сколько грязи вылили... даже и про нас... будто я его медовыми настойками приворожила... только он так и жил бобылём... – тётя Даша вдруг всполошилась, – погоди, он же спрашивал о тебе... говорил на жену его ты похожа... И письмо тебе оставил. Где ж оно? Погоди-ка...

Она ушла искать письмо. Я прислушивалась к шорохам, шагам... внимательно прислушивалась, лишь бы не думать... Я потом подумаю обо всем... когда останусь одна, когда будет возможность послушать свое сердце...

– Вот, вот оно... он в больнице еще когда лежал... все просил тебе передать... А мы как-то с похоронами-то закрутились... Родных у него не было, мы с Николаем его и хоронили... да люди помогли... А про письмо то и забыли... смотри-ка... Ты уж прости... может, там важное чего...

Я развернула сложенный вчетверо листок. Обычный тетрадный листок. Рисунок карандашом – мой портрет. Только

лицо. Но в нем – я вся, даже жутковато – словно сама себе в душу смотрю. Осенний успел и узнать, и понять меня...

Шла с кладбища и не понимала, отказывалась понимать – как же так, все точно такое же – небо, трава, деревья... солнце золотит листья деревьев, ветер кружит их в последнем танце... Точно такая же осень, как год назад... Ничего не изменилось. Только – был человек, и нет человека. И ничего в природе не изменилось. Ничего не изменилось...

Маникюр – «лицо» женщины

Одиннадцать лет. Не юбилей и не круглая дата. Но они так решили. Встретиться через одиннадцать лет, чтобы были равные промежутки времени. Одиннадцать лет учились в школе, одиннадцать учились у жизни самостоятельно. После школы время как-то ускорило свой бег, пролетело почти незаметно. Только вехи-события напоминают – прошли годы.

Маришка давно потеряла связь с одноклассниками. Близких подруг среди них у нее никогда не было. Первый год после выпуска еще как-то общались, скорее по привычке, а потом жизнь развела. Маришка даже забыла об этой их договоренности встретиться через одиннадцать лет. Звонок Анны, бывшей старосты, удивил и не столько обрадовал, сколько вызвал сомнения: стоит ли идти, зачем собираться. Предстоящая встреча почему-то пугала её. Мама уговорила сходить. Маме отказать не могла.

Сборы не были долгими. Маришка не любила наряжаться. Ее гардероб всегда предельно прост и рационален: джинсы на каждый день, строгий брючный костюм на выход. Короткая стрижка не требует долгой укладки. Маришка с сомнением посмотрела на свои руки. На тщательный маникюр ей всегда было жаль времени. «За руками нужен особый уход.

Маникюр – лицо женщины» – вспомнилось любимое выражение Милки, их классной красавицы. «Пожалуй, надо хоть что-нибудь сделать, чтобы не опозориться. Не хватало еще, что бы она снова начала меня стыдить!»

...Милка пришла к ним в седьмом классе. Она и тогда уже выглядела красивой девушкой. Именно девушкой, выделяясь на фоне общей подростковой угловатости. Мальчишки, конечно, не оставили это без внимания. Милка осыпала их язвительными насмешками, но никого не отвадила от себя. Для Маришки это всегда было загадкой. Девчонки, конечно, завидовали и не понимали причину Милкиного успеха. Потом кто-то, кажется Анна, принес журнал со статьей о загадках женской привлекательности. Там говорилось, о какой-то манкости, которой обладают некоторые женщины. И такие женщины, пусть они даже некрасавицы, притягивают внимание мужчин. А Милка – красавица, с этим не поспоришь. Узнали и успокоились. Тем более что с девчонками Милка сама старалась подружиться. Но при всей кажущейся дружелюбности и простоте общения сохраняла некую возрастную дистанцию: «Я старше вас, я лучше знаю. А вы еще маленькие». Она действительно была старше на год. Особенно часто подтрунивала над Маришкой, называя ее «малышкой». Маришка и правда была самой маленькой в классе. Она и сейчас, в свои двадцать восемь лет, выглядела, скорее, как подросток: невысокая, худенькая, с короткой стрижкой и почти детскими чертами лица.

Милка обожала читать девчонкам лекции: «Маникюр – лицо женщины, ее визитная карточка. Кто-то умный сказал: лицо может обмануть, руки никогда. Они выдают и возраст женщины, и ее проблемы. Женщина подает мужчине руку в знак доверия к нему. И у мужчины должно возникать желание эту руку поцеловать. А кто захочет поцеловать твою руку? – Обращалась она к Маришке, – никакого маникюра, вечные чернильные пятна, царапины!». Что верно, то верно. Руки у Маришки всегда были в царапинах. Вместе с бабушкой она каждый день ходила на площадь кормить голубей. Голуби узнавали их, не боясь, садились на руки, порой невольно царапая их коготками. Маришка не обращала на это внимания, думала: внешность – не главное, главное это душа. Девчонки на переменках обсуждали мальчишек, хвастались своими романами. Милка посмеивалась над ними: «Какие же вы еще маленькие! Наивные!». Маришка держалась в стороне от этих разговоров. Вечная девочка, малышка, по ночам плакала от обиды в подушку, а днем старательно делала вид, что все эти глупости ее не интересуют, что ей гораздо интереснее дружить с мальчиками, чем крутить романы. Мальчишки же относились к ней с уважением: она не хуже их разбиралась в технике, в компьютерах. Там все казалось простым и понятным. Есть контакт, нет контакта. С людьми все сложнее. Даже если два человека рядом, даже если они вроде бы вместе, это еще не значит, что есть контакт.

Однажды, как-то вдруг, уже в одиннадцатом классе, Милка неожиданно переменилась к Маришке. Перестала ее высмеивать, наоборот, начала приглашать то в кино, то на выставку, то на прогулку, то помочь разобраться с геометрией (Милке плохо давались точные науки). От прогулок Маришка увиливала, а вот отказывать в помощи не умела.

В доме у Милки ей не понравилось: холодно как-то, показной уют. Маришкины родители всегда старались познакомиться с ее гостями, поговорить. Здесь же... Отец, открыв дверь и поняв, что пришли не к нему, тут же ушел в свою комнату, даже не поздоровавшись. Через какое-то время мать заглянула в Милкину комнату, окинула строгим взглядом Маришку, сказала холодно: «Милана, девочки, только не шумите». И ушла.

– Строгие они у тебя, – отметила Маришка.

– Да, нет, – отмахнулась Милка, – это они так... Отец мне вообще неродной, к тому же младше матери. Вот она его и пасет.

– Как это?

– Так это! Подрастешь – поймешь, – поняв, что сказала лишнее, огрызнулась Милка. – Давай лучше теорему объясняй.

Потом еще какое-то время Милка продолжала опекать Маришку, давать советы по уходу за собой, по макияжу и подбору одежды. Маришка может и рада была бы их слушать – дома с ней никто об этом не говорил, а сама спраши-

вать не решалась, смирилась с тем, что все считают ее маленькой, – да уж больно тон у Милки был назидательный. Вскоре, как это обычно бывает, случайно прояснилась причина столь неожиданной Милкиной перемены.

Неизвестно чем, но чем-то приглянулась Маришка Мише из параллельного класса. Миша, умный талантливый юноша, нравился многим девчонкам, пусть и не красавец и не спортсмен. Маришка была в него тайно влюблена, но даже подумать не могла, что у него к ней что-то может быть. А оказалось, что он просто не знал, как к ней подойти. Попросил Милку помочь, по-соседски. Она и помогла. Как умела.

– Я ж для тебя старалась, глупенькая! – Хохотала она. – Мы же подруги! Не могла же я тебя, дурочку наивную, в непроверенные руки отдать! А он ничего, – добавила она уже томно, – нежный, ласковый...

– Выдержал, значит, проверку. – Маришка не узнавала собственный голос, откуда в нем появились язвительные нотки? – Ну и куда ты ему знак качества поставила?

Больше они с Милкой не общались. Миша провожал Маришку виноватым взглядом, но подойти так и не решился. Хорошо, что учебный год скоро закончился.

Маришка снова с сомнением посмотрела на руки: «Карьеру не сделала, личная жизнь не сложилась. Хвастаться нечем. И маникюр ничего не изменит».

...Они собрались почти в полном составе. Первые несколько минут узнавания друг друга были странными, официально сдержанными. А потом... потом пошел обычный в таких случаях шквал воспоминаний, рассказов, фотографий...

– А где же наша красавица Милана? – Поинтересовался кто-то.

– Она в больнице, – Анна как обычно была в курсе всех событий.

Вопрос растаял, словно его и не было. Прерванный поток воспоминаний тут же возобновился с новой силой, но Маришка успела заметить, как облегченно выдохнула Анна, казалось, она была рада, что никто не поинтересовался, что же случилось с Милкой, почему она в больнице. Потом уже, когда общий разговор всех немного утомил, и народ начал разбредаться по маленьким группкам, Анна рассказала Маришке.

После школы Милка поступила в академию красоты. Академия – не академия, так, что-то вроде частной школы. Милка мечтала стать стилистом. При этой академии было модельное агентство. Там и познакомилась Милка с Евгением, фотографом. То ли она влюбилась в него, то ли поверила его обещаниям сделать из нее классную фотомоделю, но таскалась она за ним повсюду, по всем их богемным тусовкам, по ночным клубам, барам. Учебу забросила. Ида Аркадьевна, мать Милки, пыталась ее остановить, но повлиять на дочь

уже не могла, Милка ушла из дома. Через полгода вернулась, притихшая, покаянная, беременная неизвестно от кого. Родители ее приняли, подлечили, подкормили, стали ждать внучку. Девочка родилась здоровая – уже счастье. Милка как-то подомашнела, что ли, с ее рождением. Стала мягкая, покладистая. Хватило этой идиллии на два года. Пока не выяснилось, что она опять беременна. На этот раз от отчима. Отчим отпираться не стал. С женой развелся, на Милке женился, дочку ее удочерил. Ида Аркадьевна попала в больницу с инсультом, прокляла обоих. Рождение второй внучки примирило семейство. На этот раз Милка выдержала чуть больше года. Сбежала к своему фотографу. Муж-отчим вернуть ее не пытался. Подал на развод, купил дом в пригороде, забрал обеих девчонок. Ида Аркадьевна разыскивала Милку сначала по барам и ресторанам, потом по подвалам и помойкам.

Последнее время Милка с каким-то мужиком-пенсционером жила. Пенсию его пропивали, питались с помойки. Сейчас она в больнице – туберкулез. Вот такая история.

Через неделю пришло известие, что Милка умерла. Хоронили ее одноклассники и Ида Аркадьевна. Муж-отчим на похороны не пришел, и дочерей проститься с матерью не привел. То ли не знал, то ли обида помешала.

Узнать Милку было невозможно: болезнь состарила и высушила. И только руки... Они лежали поверх белоснежного покрывала как обычно ухоженные, с аккуратным маникю-

ром, ногти покрыты перламутровым лаком.

Встречное предложение

Она шла по городу, который всегда считала родным. Вслух его так называла очень редко, неохотно, слишком уж это пафосно. И все же он был ей родным. Не только потому, что она здесь родилась и выросла. Просто едва ли не каждый дом в нем построен кем-то из ее родственников. Она единственная нарушила семейную династию строителей. Ей не интересны возня со строительством дома, и здание само по себе. Гораздо интереснее люди, живущие в этих домах. И она искренне полагала, что способна помочь им построить их жизнь, их благополучие. Для этого не жалела ни сил, ни времени. Для устройства же собственной личной жизни уже не хватало ни того, ни другого. Впрочем, ее это не сильно тревожило, разве иногда, после очередного томительного мамино: «Пора тебе, доченька, о семье подумать, о детях собственных, не о чужой, а собственной жизни позаботиться».

Она считала город своим домом и потому не боялась в нем никого и ничего. Чего можно бояться в своем доме? По своему дому можно смело ходить хоть с закрытыми глазами. Но сегодня город, словно в насмешку, усыпал ее путь колдобинами, протаявшими лужицами, блестящая на солнце вода которых скрывала грязную и скользкую сущность. Словно бы он отказался от нее, от родства с ней. И от этого боль

в душе становилась сильнее. Она шла и спотыкалась. Внимательно смотрела под ноги, выбирая куда встать, и все равно спотыкалась, скользила, едва удерживаясь от падения. Даже солнечные зайчики не радовали, а слепили, затрудняя и без того нелегкий путь.

Остановилась отдышаться, оглядеться. Перекресток. Но не тот, другой. Кажется, шла целую вечность, но так и не дошла еще до того страшного перекрестка, убившего только за последние полгода пятерых. Что поделаешь, не хотят люди пользоваться надземным переходом, неудобно, долго, а они торопятся. «А что, если и меня сейчас собьет машина?» – Мысль не напугала, не насторожила, наоборот, замаячила возможность уйти от проблемы, от необходимости давать ответ на столь странное и оскорбительное для нее предложение. Инстинктивно отпрянула от мчащейся на слишком высокой скорости похожей на танк иномарки, засеменила, пытаюсь удержать равновесие. Не удержала – вылетела на асфальт, упала, удар пришёлся на левую ногу. С трудом поднялась. Хромая, перешла дорогу, вышла на бульвар. Чувствуя, как опухает разбитое колено, опустилась на ближайшую скамейку. «И почему никто не хочет мира?» – еще недавно бульвар носил имя мира, но к очередному юбилею ему переменили название – бульвар Первостроителей. Она ничего не имела против первостроителей, но в изменении названия ей виделся знак. Перемена имени не проходит бесследно. Ей казалось, что с отказом от имени ми-

ра были убраны некие сдерживающие нравственные рамки. Зло, вырвавшись на свободу, начало устанавливать свои порядки, строить жизнь по-своему. Цветы, печально висевшие головками вниз, на столбе у перекрестка, получившего в народе прозвище «перекрёсток смерти», – одно из печальных последствий.

Посидев, собравшись с силами, она, оглядевшись по сторонам, приподняла подол юбки: лохмотья разорванных колготок вперемешку с лохмотьями содранной кожи, крови чуть. Все не так уж плохо. Ушиб, конечно, сильный, да и рану надо бы обработать антисептиком. Только для этого надо сначала попасть домой. Она с тоской посмотрела на стоянку такси: «Нет, разговаривать ни с кем сейчас не могу. Дойду пешком, уже недалеко». Решительно поднялась. Видимо слишком резко – боль усадила обратно. В глазах потемнело.

– Тетя, вам плохо?

Открыла глаза. Девчушка лет пяти в блеклой курточке и залатанных сапожках. В другое время она обязательно бы расспросила девочку, почему гуляет одна, где родители, постаралась бы их найти. Координатор благотворительного фонда, она хорошо знала, что те, кому помощь действительно необходима, редко за ней обращаются сами. В другое время обязательно бы нашла и помогла. Но не сегодня, не сейчас.

– У Олега боли, у Витюши боли, и у разных Тань и Мань, а у тети перестань. – Девчушка робко погладила ее распуха-

ющее колено.

От нечаянного этого сочувствия проступили слёзы: «Плакать нельзя. Плакать буду дома». Попыталась улыбнуться:
– Спасибо, мне уже легче.

Достала из кармана телефон, проверила, не повредила ли его при падении, нажала на клавишу.

Таксист попался понятливый, с разговорами не лез, помог выйти из машины и даже проводил до подъезда.

Захлопнув дверь квартиры, отгородилась ото всего мира. Всё, теперь можно не сдерживаться, можно расслабиться, поплакать, закатить истерику. А потом спокойно обдумать, что же с ней произошло и как такое стало возможно. «Но сначала надо обработать колено. Лишних ног у меня нет. И новая вряд ли отрастёт» – попыталась поиронизировать над собой, направляясь в ванную.

Обработав рану, вдоволь нарежевшись, босая прошлёпала на кухню. Ногам было холодно, но надевать тапочки не хотелось. Подбирать разбросанную в прихожей одежду тоже.

Видевшая много чужого горя, она, конечно, понимала, то, что случилось с ней – не беда и не горе, всего лишь неприятности, с ними можно справиться. Поставила на плиту чайник, достала из холодильника молоко. Почему-то во время неприятностей ей всегда хотелось манной каши. Что это – подсознательное стремление спрятаться от проблем, почувствовав себя ребёнком, или нехватка каких-то полезных элементов в организме? Разбираться было лень. Она просто ва-

рила кашу, а потом сытая и немного умиротворённая приступала к анализу ситуации.

– У меня к вам встречное предложение, Надина Георгиевна. Правда, не совсем деловое. – Он медленно и тщательно проговаривал каждое слово.

– Какое? – Она слегка наклонила голову. Вот уже полчаса пыталась увлечь его идеей издания сборника стихов молодых поэтов.

Он держал паузу, театрально, как ей показалось, изображая сомнения, стоит ли высказывать своё неделовое, встречное предложение.

В повисшей тишине слабый щелчок прозвучал неожиданно громко. Ее волосы, вырвавшись на свободу, густой волной рассыпались по плечам.

– Извините, – слегка улынулась, выпутывая заколку из волос.

– Что мне в вас особенно нравится – улыбнулся и он в ответ, – так это ваши манеры, ваше умение держать себя достойно, я бы даже сказал благородно, в любой ситуации.

– Спасибо за комплимент, – она насторожилась, не понимая, причем здесь ее манеры и что это за «любые ситуации».

– Я знаю, что вы принимаете очень живое и непосредственное участие в литературной, и не только, судьбе нашего местного писателя Леднова, довольно талантливого, насколько я могу судить. По крайней мере, рассказы его я про-

чел с большим интересом. – Он показал рукопись, бросив на Надину изучающий взгляд.

От этого взгляда у нее появилось ощущение, что ее принародно раздевают.

– Так вот, я готов помочь с изданием и этой книги тоже, взяв на себя все финансовые расходы. Но при одном непременном условии.

Снова повисла пауза. Она замерла, не желая верить дурным предчувствиям. «Ну же, не тяни!» – Подхлестнула мысленно.

– Я бы хотел просить вас уделить мне немного внимания в неофициальной обстановке. Я очень уважаю вас не только как специалиста, но и как женщину. Ценю ваш ум, вашу интеллигентность... Да что скрывать: вы мне просто нравитесь, извините, если это вам неприятно. – Он встал, не отрывая от неё глаз, отошел за стул, едва заметно поглаживая руками его спинку. Надина, как замороженная следила за его движениями.

– Вы, наверное, уже знаете, что в конце месяца будет проводиться областной семинар «Социальные благотворительные проекты». Так вот мне бы очень хотелось, чтобы вы согласились принять участие в работе этого семинара.

Его слова сбили ее с толку. Она уже приготовилась к непристойности, и вдруг... Неужели показалось? Хорошо, если так. И все же напряжение, повисшее в кабинете, не позволило ей расслабиться.

– Семинар будет проводиться в пансионате «Сказка». – Продолжил он, и добавил уже несколько иным тоном – Я знаю, что за холодной сдержанностью у вас скрывается страстная творческая натура, способная... доставить невероятное наслаждение мужчине... И я смею надеяться, вы не откажете мне во внимании, в возможности поухаживать за вами. И не только поухаживать... Обещаю, что репутация ваша при этом не пострадает.

Она не ошиблась, предчувствия не обманули, увы. Надина встала, чувствуя, что начинает кружиться голова.

– Я не тороплю вас с ответом. Подумайте, взвесьте. Через неделю, – он сверился с календарём, его тон снова стал подчеркнуто деловым – да, через неделю в случае положительного ответа, а я очень надеюсь, что ответ будет положительным, начнём оформлять необходимые документы.

Она молча пошла к выходу, задыхаясь от бессильной ярости. Её переполняло возмущение и невозможность выразить это возмущение. При других обстоятельствах посмел бы он только намекнуть... Она бы тут же залепила ему увесистую пощечину и высказала бы всё, что думает и о нём, и о его мерзком предложении. При других обстоятельствах. Сейчас же вынуждена была вежливо улыбаться и терпеть. Работа прежде всего. «Сволочь!» – кричала она ему мысленно.

– Мой телефон у вас есть. Я буду ждать вашего звонка. – Его слова выталкивали её из кабинета.

«А что такого страшного произошло? Что ты так убиваешься? – Она пыталась разговаривать с собой намеренно жестко, чтобы остановить поток эмоций. – Предложили переспать за деньги? Эка невидаль! К тому же не за деньги, а за услугу. Да и предложение было сделано в очень деликатной форме. И потом, не ты ли сама говорила, что дорого бы дала за возможность издать эту книгу? Твоя просьба услышана. Ты же принципиальная, за своих просить не можешь, только за чужих. Так вот – просить не надо, сам предложил. Тебе предоставляется возможность осчастливить своего любимого. Всего-то и надо – доставить другому мужчине удовольствие. Действуй, а не устраивай истерик! Или цена всё же слишком высока?». Зная, как важно для Олега было издать книгу, она часто мысленно, а то и вслух говорила, что готова ради этого на многое. Правда, говоря так, она представляла себя скорее булгаковской Маргаритой, а уж никак не Манон Леско. «Получается, душу продать готова, а тело – нет. Тело дороже души?» – Вывод ошеломил. Захотелось глотнуть свежего воздуха. В открытую форточку ворвались запахи талого снега и вытаявшей земли, ее любимые весенние запахи. В домах светились окна. Там шла своя жизнь: люди приходили с работы, обменивались новостями, жаловались друг другу, ища и находя сочувствие и поддержку. Где-то там, в темноте светятся окна, за которыми и ей будут рады, выслушают, утешат, может, конечно, и поругают.

«Хорошо, что Олег в командировке, – подумалось вдруг, –

можно все спокойно, не спеша обдумать. Мне на это целую неделю дали. Олегу о таком предложении рассказывать нельзя. Да и никому нельзя». Она включила телевизор, не раздеваясь, забралась под одеяло и, установив на пульте таймер, начала бесцельно прыгать по каналам, просто, чтобы отвлечься. Сериал, ток-шоу, футбол. Кто с кем играет неизвестно. Впрочем, названия команд все равно ничего не значили для неё. Неожиданно для себя Надина увлеклась наблюдением за передвижением спортсменов по полю, движением, происходившим по своим законам, своим правилам, неизвестным ей. Внезапно поняла, что и сама находится на поле среди игроков, и именно от нее зависит исход матча. А она не знает, что делать, бегают суетливо и бестолково, мешая другим игрокам, и чужим, и своим, на трибунах орут, кажется, что-то гадкое в ее адрес... Свисток судьи, оказавшийся звонком будильника, избавил ее от позора и ужаса.

«Олег бы обязательно пошутил насчет моей сексуальной неудовлетворенности, – попыталась развеселить себя за завтраком, – вон сколько мужиков себе в сон напустила, да еще и себя не совсем одетой к ним». Олег всегда подтрунивал над ее страхами и переживаниями. Она обижалась, а он удивлялся ее обидам, смеялся, потом и она смеялась вместе с ним. «А может и правда, нет никакой проблемы. Может, я ее сама себе выдумала. И Видов предложил мне всего лишь участие в семинаре, а книгу Олега упомянул просто, чтобы сделать мне приятное, может, он и правда ее профинансировать хо-

чет. И в самом деле, с чего бы вдруг он стал меня соблазнять? Мы с ним не первый день знакомы». Надина не считала себя красавицей, искренне завидовала подругам с фигурами без излишних, как ей казалось, изгибов и выпуклостей – у них проблем с одеждой не было, а ей все время нужно было что-то подгонять, ушивать. Впрочем, ее это не очень трогало. Ей не нужно было внимание многих мужчин. Вполне достаточно одного – любимого. А Олегу нравится её фигура, нравится она сама, такая, какая есть, пусть и несоответствующая модным стандартам.

И все же слова Видова, его предложение крутились в голове, не давая возможности подумать о чем-нибудь другом. «С чего бы это гурмана потянуло на картошку в мундире? Вокруг него такие красотки выются! «Истощают мужчину странствия, отсутствие ласки женщину... Олег только неделю в командировке, а мне уже черт-те что мерещится», – пристыдила она себя.

В утренней почте ее ожидало письмо от Видова – подробная программа семинара, а внизу маленькая приписочка: «Надеюсь, на скорый положительный ответ» и несуразный подмигивающий смайлик. Она успела лишь бегло пробежаться по программе, как секретарша сообщила, что вызывает шеф.

– Надина Георгиевна, – нам пришло приглашения для участия в семинаре «Социальные благотворительные проекты». Мы намерены командировать вас, – шеф расплылся

в довольной улыбке, – возражения не принимаются. Приглашение пришло на ваше имя. Господин Видов, наш давний партнер, пообещал все расходы взять на себя. Что же вы молчите? – Шеф с удивлением посмотрел на нее, стоящую в оцепенении, и добавил уже раздраженно, – идите, оформляйте документы!

Не в силах произнести ни слова, она вышла. «Ну, что ж, господин Видов, вы решили не давать мне обещанного времени на раздумья? Хорошо! Я принимаю ваш вызов! Вот только играть я буду по своим правилам», – раздражение придало ей решимости. Надина решила не отвечать Видову на послание и не звонить. Она просто отдала все необходимые документы в отдел кадров, пусть они сообщают Видову о ее согласии. А она сделает вид, что никакого разговора у них не было, для нее это просто семинар, деловое мероприятие.

После обеда позвонил Олег, и вся ее решимость растаяла. Ею снова овладели сомнения, колебания. Изменить любимому, но помочь осуществлению его мечты или отказаться от такой возможности, но сохранить верность? Если любишь человека, стараешься доставить ему удовольствие, облегчить ему жизнь. Доставить удовольствие душе... Но при этом изменить телом. Ничего не дается просто так. Чтобы что-то получить, надо чем-то пожертвовать“, – рассуждала Надина в поисках ответа на мучающий ее вопрос: отказаться или согласиться? Третьего варианта не существует. А ни

один из двух ее не устраивает. В любом случае она будет чувствовать себя виноватой. При том, что даже мысль о близости с другим мужчиной вызывает отвращение. В памяти всплыло выражение лица Видова, его слова: „... страстная творческая натура... способная доставить...». Ее передернуло от внезапной догадки: «Так значит, он не просто хочет со мной переспать, он ждёт от меня чего-то особенного, „творческого“, способного „доставить ему невероятное наслаждение“. А почему он решил, что я на что-то такое-этакое способна, что от меня можно ожидать каких-то невероятных удовольствий?» Память подсказала: Олег. Это же его слова, эти самые слова он не раз говорил ей. Вспомнились и минуты, и обстоятельства, при которых говорил. Ее замутило, возникло ощущение, что ее предали. И кто? – Олег, самый дорогой для нее человек. Откуда же еще Видов мог узнать о каких-то ее сексуальных способностях. «Но почему? Как он мог? Зачем?» – вопросы метались у нее в голове. Она прислонилась спиной к стене, закрыла глаза. Хотелось плакать, хотелось умереть.

– Надина Георгиевна, что с вами? Вы заболели? – Она и не заметила, как шеф оказался рядом с ней (зачем? почему?)

– Да, я... я заболела... наверное, простыла... Можно я пойду домой? Отлежусь...

– Конечно, идите. Может, вам врача вызвать?

– Нет, не надо... пока не надо... я сама если что...

– Я распоряжусь, вас отвезут домой.

«Как хорошо было бы действительно всерьез заболеть, лечь в больницу недели на две, а лучше на три... Это был бы лучший выход из положения. Семинар прошел бы без меня, да и Видов бы поостыл... – рассуждала она после ухода врача, (пришлось-таки вызывать скорую) потихоньку проваливаясь в мутный лекарственный сон – а то ведь даже отказываться от семинара уже поздно. Чем я объясню свой отказ начальству? Передумала? Это несерьезно. Сошлюсь на сексуальные притязания Видова? Смешно. Мы не в Америке. Это там даже намек, даже взгляд считается притязанием. А у нас женщина изначально виновата, даже если ее изнасиловали. И потом, чем бы я доказала его притязания? Намекнул на желание переспать? Ну и что? Не хочешь – откажись. Никто же не принуждает. Никто. Не принуждает. Никто...»

– Вы позволите пригласить вас на танец?

Она повернула голову на едва различимый в грохоте музыки голос.

– Д-да – выдохнула обреченно.

Знала, что этот момент настанет, знала, ради чего ее пригласили на семинар. И все равно надеялась, до последнего надеялась, что Видов передумает, или его увлечет какая-нибудь другая девушка, более яркая и решительная. Надина видела, какие взгляды бросали на него девицы. Многие из них

не прочь были бы переспать с ним, без лишних уговоров, а то и по собственной инициативе, не мучаясь от различных морально-нравственных заморочек. За обедом, узнав, что Надина знакома с Видовым, ее подвергли допросу: кто он, что он, какой он? Надина с готовностью сообщила, что он не женат, женского общества не чурается, но ни в чем предосудительном замешан не был, по крайней мере, она об этом ничего не знает... И вот... увы, до ужина оказалось слишком мало времени, девушки не успели...

– Надина Георгиевна, я, что такой страшный?

– Нет. Почему вы спрашиваете?

– Мне кажется, что вы меня боитесь. Вы пошли со мной танцевать как на прием к стоматологу, причем к старому, когда бор был похож на отбойный молоток.

Она невольно улыбнулась, посмотрела ему прямо в глаза. Он не отвел взгляда. Она смутилась. Он чуть привлек ее к себе. Она ощутила его сильное напряжённое тело... На миг в воображении мелькнуло растерянное лицо Олега, что бы он сейчас подумал... Мелькнуло и пропало. «Это же ради него»

– Вы мне очень нравитесь, Надина, очень, но я не собираюсь вас ни к чему принуждать, – слова обожгли ее ухо, руки прижали ещё крепче...

Попыталась хоть немного отстраниться. Не пускает... «Ни к чему не собирается принуждать...» – Она снова испытующе посмотрела ему в глаза. Он слегка кивнул головой.

Танец закончился.

– У меня к вам предложение: давайте выпьем на брудершафт. Или вы и этого боитесь?

– Не боюсь. Давайте, – она с трудом уняла противную нервную дрожь.

Надина нервничала, очень нервничала. Она не знала, как себя вести, что делать.

Не могла ни на что решиться, но при этом боялась ошибиться.

– Пойдемте, за мой столик. Или вам за вашим удобнее?

– Мне все равно. Нет, пожалуй, пойдемте за наш. Разбавьте наш чисто женский коллектив, – она попыталась улыбнуться.

– С удовольствием! Обожаю женские коллективы. – Он усадил ее за столик и отошел, кивнув завистливо глядящим на Надину соседкам.

Через минуту вернулся с шампанским, следом ему принесли стул и прибор. Девушки с готовностью потеснились. Надина смогла немного расслабиться, решив, что какое-то время Видову будет не до нее, а может, кому-нибудь из соседок и удастся добиться его расположения. Он же каждой из них, а столик был на шестерых, оказывал равное внимание, за всеми одинаково ухаживал, шутил, деликатно избегая двусмысленностей. Музыку сделали чуть тише, стало возможно разговаривать. Как-то незаметно без всякого брудершафта все перешли на ты. Надина наблюдала за ним, она

впервые смотрела на него не как на бизнесмена-благотворителя, партнера по работе, а как на мужчину, молодого и обаятельного. Этот мужчина начинал ей нравиться, она даже ощутила нечто похожее на легкий укол ревности, когда он пошел танцевать с другой. Шампанское подействовало наконец, расслабив и приятно закружив голову. Мысли о возможной близости с Видовым уже не вызывали у нее отвращения. Во время очередного танца с ним, когда он снова привлек её к себе довольно близко, поняла, что если он сейчас позовет ее с собой, она пойдет. Но никто никуда ее не звал. Все тихо-мирно разбрелись по номерам спать. На следующий день было запланировано много работы. Ночью ей приснился эротический сон, едва ли не первый за всю ее жизнь. Проснулась с ощущением удовольствия и испытала стыд. Нет, не за то, что во сне она ласкала Видова, она ведь почти уже решилась на это. А за то, что испытала при этом удовольствие, а не отвращение. «Сон – это только сон, – убеждала она себя, – наяву такого быть не может».

Серый, пасмурный день, легкое покачивание автобуса, все это соответствовало ее настроению. Надина смотрела в окно и вспоминала прошедшие три дня, последнюю ночь. Ей казалось, что они не просто многое изменили в ее жизни, они изменили ее саму. Она и не подозревала, что способна так быстро увлечься, потерять голову, забыть обо всех приличиях. Никогда еще ей не было так легко и спокойно с мужчиной. Казалось, они понимали друг друга без слов и бы-

ли абсолютно откровенны в своих желаниях, в своих ласках и фантазиях. Он действительно ни на чем не настаивал, все произошло словно бы само собой, словно бы и не было у них никакого уговора. «А может, его и не было? Он же сразу сказал, что я ему нравлюсь. Может, он просто придумал такой своеобразный способ привлечь внимание», – сейчас ей были смешны недавние страхи и сомнения, хорошо, что не поддалась им. «Скорей бы увидеть его – думала она, блаженно улыбаясь. Они не уговаривались о встрече, дома ждала работа, дела, а созвониться можно в любое время.

Город накрыла изморось. Дождь не дождь – так, романтическая дымка, делающая все вокруг неясным, расплывчатым, нереальным. Она решила идти дворами, здесь можно идти, погружившись в свои мысли и не смотреть по сторонам. «Жаль, что дворами нельзя дойти до дома, надо выходить на проспект», – Надина немного постояла на углу, переводя дух, словно перед прыжком в воду. На столбе у перекрестка снова цветы. Красные гвоздики. Чёрная лента. Подошла ближе. С фотографии смотрит пожилая женщина, улыбающаяся одними глазами. Надина узнала бывшую соседку.

– Она же всегда очень внимательна и осторожна, даже слишком осторожна, – вслух удивилась Надина.

– От беды никто не застрахован, – слышался рядом хриловатый прерывающийся голос. – Да, вот ведь как в жизни бывает... стояла у светофора, ждала зеленого света, светофором ее и убило. Пьяный лихач вылетел со встреч-

ной полосы... и прямо в столб... со светофором, на котором вспыхнул зеленый свет. Сегодня похоронили, – мужчина положил цветы к фотографии...

Надина вспомнила, как совсем недавно, недели три назад, случайно встретила эту свою бывшую соседку, и та, немного смущаясь, сказала, что скоро, наверное, выйдет замуж: «Встретила наконец-то своего человека... уж и надеяться давно перестала, смирилась... Жизнь словно бы мимо прошла, без любви, без семьи, только работа и работа... В жизни, Наденька, иногда надо совершать и безрассудные поступки. Вот я все осторожничала, осторожничала... Жизнь к закату катится, скоро совсем пройдет, и что останется?».

Надина поспешила уйти от этого страшного места. «Я становлюсь эгоисткой» – вяло подумала она. И все же в душу и в мысли прокралась тревога. Надина прибавила шаг и почти вбежала домой. Едва за ней закрылась дверь, раздался телефонный звонок. «Видов» – подумалось сладко.

– Ты куда пропала, недоступная?

– Олег? – растерянно выдохнула Надина.

– Ваш семинар в подземном бункере проходил? «Абонент временно недоступен» – гнусаво передразнил он голос оператора.

– Почему недоступен? Доступен.

Она достала телефон и, обнаружив погасший экран, вспомнила, что отключила его в первый же день на время лекции, а потом, видимо, забыла включить.

– Не сердись, так получилось, замоталась.

И с тревогой подумала: «Мама, наверное, тоже с ума сходит. Надо ей позвонить, успокоить».

– Я соскучился! Очень хочу тебя обнять. Я приеду?

«Нет! Только не это! Не сегодня! Не сейчас!» – Она с трудом взяла себя в руки.

– Давай завтра, я устала.

– Так устала, что даже не хочешь меня видеть? – обиделся Олег.

– Ну, не сердись, я правда вымоталась, сил нет ни на что. Сейчас приму ванну и спать. Маме только позвоню.

– Я не сержусь. Я понимаю. Тогда завтра к обеду?

– К обеду? – Она прикинула мысленно: завтра суббота, но всё равно Видов вряд ли сможет с ней встретиться днём, в лучшем случае вечером, – Хорошо, давай, к обеду я тебя буду ждать. А во сколько у нас завтра обед?

– Как обычно, в час. Выспишься к этому времени?

– Конечно. Я буду тебя ждать.

– Ну, пока. До завтра. Спокойной ночи, – нехотя попрощался он.

Она коротко отзвонилась родителям, успокоив и пообещав зайти в гости и все-все рассказать. Лежа в теплой ароматной ванне, какое-то время она еще думала о Видове. «Подумать только, если бы не Олег, не его книга, то ничего бы и не было. Если бы не Олег» – стало грустно. Она любила Олега и не хотела его терять. Он давно уже стал частью ее

жизни, частью ее самой. Но и Видов нужен, и так хочется, чтобы страсть, вспыхнувшая так внезапно, переросла в любовь, в серьезные отношения. С ним она чувствовала себя настоящей женщиной, слабой и защищенной мужчиной. Это ощущение было новым для нее, с Олегом оно не возникало никогда. Видов добивался её, а Олег не добивался, она сама с радостью отдалась в его руки. «Что же делать? Что же мне делать? – ей хотелось выть, она устала выбирать, принимать решения, – их невозможно совместить, но и выбрать кого-то одного, отказавшись от другого, я тоже не могу». Ванна не принесла желанного расслабления. Наоборот, сейчас Надина чувствовала себя маленьким мокрым котенком, которого добрые люди вытащили из реки и оставили на берегу, куда идти и что делать, он не знает, ему холодно, страшно и одиноко. «Ну, почему, почему, мне так плохо? Ну, разве я не заслужила хоть немного счастья? Господи? Мне так было хорошо с Олегом! И никто другой не был нужен. Зачем было показывать мне, что возможно и другое счастье? Зачем было искушать меня, испытывать? Я же не машина, не агрегат какой, чтобы проходить испытания? Я человек, женщина, и мне тоже, как и всем, хочется счастья, хочется, чтобы и обо мне кто-нибудь позаботился», – в памяти всплыло лицо погибшей соседки и ее слова о том, что не все в жизни подвластно разуму. «Она всегда делала правильный выбор, соблюдала все правила... А погибла по вине лихача, вылетевшего на встречную полосу. Если я сейчас откажусь

от Видова, то получится, что все, что было между нами – ложь, притворство, плата за услугу. Но это не так! Не совсем так. Пусть в начале, в самом исходном начале и был некий уговор, но потом, потом все было настоящее. Отказаться от Олега, значит предать его. Но ведь это он первый меня предал! Это же он рассказал Видову обо мне, по сути, сделал мне рекламу как женщине для утех, как проститутке... Он всегда использовал меня. Я сама по себе никогда не была ему нужна, ему всегда были нужны лишь мое внимание, моя забота, мои ласки. И только. Поэтому он и подшучивал, подтрунивал надо мной, отмахивался от моих проблем, считая их глупыми и несущественными», – она начала вспоминать, намеренно утрируя, все самые неприятные эпизоды из их жизни. Не могла остановиться, хотя и понимала, что остановиться надо, что далеко не всё из того, что она сама себе тут нагородила, справедливо. Вконец измотавшись, едва не доведя себя до сердечного приступа, провалились в забытие, сном это назвать было нельзя. Утром не столько успокоившись, сколько поняв, что сил для переживаний у нее больше нет, что тупая боль в сердце грозит очередным приступом, решила не торопить события: «Пусть все идет, как идет. В конце концов, Видов даже не намекал на продолжение отношений. И хочет ли он этого продолжения – неизвестно. Да и, по большому счёту, хочу ли я этого продолжения – тоже не уверена. Сказка была в „Сказке“, она закончилась, начинается обычная жизнь».

Олег пришел сияющий:

– У меня для тебя сюрприз! Смотри! – Он подал красиво упакованный сверток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.